

Э.Р. Лабуле

Государство и его пределы,

**в связи с современными
вопросами администрации,
законодательства и политики**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Э1

Э1 **Э.Р. Лабуле**
Государство и его пределы.: в связи с современными вопросами администрации, законодательства и политики / Э.Р. Лабуле – М.: Книга по Требованию, 2021. – 369 с.

ISBN 978-5-458-07594-7

ISBN 978-5-458-07594-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

О ВЛІЯНІИ ИДЕЙ НА СУДЬБУ НАРОДА.

Слѣдуя издавна заведенному обычаю, мы обратимся прежде всего къ главному вопросу, который, впрочемъ, имѣетъ связь и со всѣми отдѣльными вопросами, подлежащими нашему разсмотрѣнію. Мы рассмотримъ сначала какъ велико вліяніе идей на народъ. Подъ идеями же мы разумѣемъ всѣ понятія религіозныя, экономическія, политическія и нравственныя, которыя могутъ дѣйствовать на индивидуумъ, общество и государство.

Каково вліяніе идей, каково значеніе этихъ различныхъ понятій на судьбу страны, на ея благоденствіе или несчастіе, — вотъ вопросы, которые мы предполагаемъ изслѣдовать.

Прежде всего мы встрѣчаемъ школу весьма распространенную, хотя она и не имѣетъ признаннаго главы; школа эта не даетъ никакой цѣны идеямъ и полагаетъ,

что на свѣтѣ не существуетъ ничего кромѣ интересовъ и страстей. Мы знали многихъ изъ этихъ политико-макиавелистовъ, которые убѣждены, что злодѣяніе есть доказательство ума, и которые, говоря вообще, къ счастью менѣе остроумны, чѣмъ они полагаютъ. Удовлетворяйте интересамъ, говорятъ они, обуздывайте страсти и вы сдѣлаетесь хорошимъ правителемъ. Въ этомъ состоитъ вся задача политики. Всѣ люди имѣютъ потребность жить, желаютъ быть счастливыми. Трудъ составляетъ ихъ первую заботу. Если крестьянинъ имѣетъ въ квашнѣ хлѣбъ, — онъ удовлетворенъ; если купецъ приобретаетъ деньги, — онъ не желаетъ ничего болѣе. Но для плодотворности труда необходима безопасность. Следовательно, нужно всѣми силами поддерживать порядокъ. При существованіи этихъ двухъ условій, всякое правленіе хорошо.

Человѣкъ вездѣ одинаковъ, вездѣ живетъ интересами и страстями, поэтому совершенно бесполезно говорить намъ объ идеяхъ; это хорошо для развлеченія старыхъ профессоровъ или новичковъ студентовъ; это — нарядъ, роскошь; но мы люди положительные и не вѣримъ ничему, «врѣжь денегъ, которыя приобретаемъ».

Защитники этой прекрасной теоріи, эти положительные люди сходны со всѣми ограниченными умами: это близорукіе, которые не видятъ того, къ чему прикасаются. Известно, что порядокъ есть первая потребность страны..... Известно также, что интересы вообще, и самый

священный. Для насъ трудъ въ особенности, должны быть удовлетворены; необходимо, чтобы народъ работалъ, чтобы чувство безопасности господствовало въ умахъ, а порядокъ на улицѣ. Но если даже и все это существуетъ, то оно составляетъ только половину необходимаго. Несправедливо, чтобы человѣкъ питался только хлѣбомъ; несправедливо также, чтобы существовала полная безопасность и трудъ былъ бы обезпеченъ при неудовлетвореніи извѣстныхъ идей. Для того, чтобы крестьянинъ, рабочій не тревожились о завтрашнемъ днѣ, необходимы часто очень сложныя условія.

Константинопольскій сапожникъ чувствуетъ себя вполне безопаснымъ, если визирь его не видѣлъ и онъ можетъ рассчитывать, что не получитъ палочныхъ даровъ; но французскій сапожникъ не нашелъ бы подобную безопасность достаточной, а англійскій почиталъ бы себя стѣпеннымъ даже и тогда, если бы не имѣлъ своей газеты и не чувствовалъ ежечасно возможности выразить въ ней свое неудовольствіе.

И такъ, идея о безопасности измѣняется сообразно съ условіями страны и степенью ея цивилизаціи.

Справедливо ли, впрочемъ, что человѣкъ не измѣняется, что его потребности, его страсти постоянно одни и тѣ же? Если хотять сказать этимъ, что люди повсюду способны къ честолюбію, любви и скуности, то это одна изъ самыхъ избитыхъ истинъ. Но если подъ этимъ подразумеваютъ, что во все времена предметы нашихъ

страстей оставались одни и тѣ же, то въ этомъ чрезвычайно ошибаются. Дѣйствительно легко показать, что съ постепеннымъ обновленіемъ идей измѣняются подъ ихъ вліяніемъ предметы страстей и понятіе о нравственности. Повсюду человѣкъ долженъ искать добра и избѣгать зла; но что же нужно разумѣть подъ словами: добро и зло. Въ этомъ заключается задача не только нравственная, но и интеллектуальная; мы постараемся доказать ее непосредственно. Какимъ образомъ случилось, что въ нашъ вѣкъ почувствовали отвращеніе къ рабству, невольничеству черныхъ...? Намъ кажется это очень естественнымъ. Но почему наши отцы въ XVIII и XVII столѣтіяхъ не знали этой идеи? Отчего въ XVI ст. идея эта имѣла такъ мало силы, что рабство было установлено? Слѣдовательно, должно предполагать, что эта идея, которая пробудилась со всюю силою въ концѣ XVIII столѣтія, не существовала еще въ XVI вѣкѣ.

Изъ этого видно, что измѣненіе въ идеяхъ повлекло за собою измѣненіе нравственныхъ понятій.

Между тѣмъ, каково вліяніе идей? Мы приведемъ для этого примѣръ изъ исторіи XVIII ст. Конечно, отличіе XVIII вѣка отъ XVII не заключается въ умственномъ превосходствѣ людей царствованія Людовика XV предъ людьми жившими при Людовикѣ XIV. Известно, что въ царствованіе послѣдняго французская литература достигла болѣе блестящаго развитія, чѣмъ при Людовикѣ XV; но то, что отличаетъ XVIII

вѣшь, что даетъ ему особый характеръ, заключается въ двухъ идеяхъ: идеи вѣротерпимости и идеи гуманности, которыя сообщили имени Вольтера. — ихъ апостола — вполне заслуженную славу.

Какимъ же образомъ возникла идея вѣротерпимости? Вопросъ этотъ можетъ показаться довольно страннымъ; но если изучаешь исторію не съ этой точки зрѣнія, то кажется, что обыденныя понятія настоящаго времени всегда существовали. Но это несправедливо. Идеи имѣютъ свою хронологію, которую можно опредѣлить, что составляетъ одинъ изъ самыхъ поучительныхъ предметовъ изслѣдованія.

Если мы перенесемъ мысленно на два столѣтія назадъ, то встрѣтимъ Боссюэта, который защищалъ нетерпимость какъ членъ вѣры и высказалъ мысль, что не вѣрить въ то, чему учитъ церковь, составляетъ преступленіе. Нельзя не привести то мѣсто изъ его сочиненія, въ которомъ онъ защищаетъ эту мысль, столь любопытную и далекую отъ нашихъ понятій. Въ 10 предложеніи седьмой книги его „Политики“ сказано слѣдующее:

„Государь есть защитникъ общественнаго спокойствія, поддерживаемый религіею, а потому слѣдуетъ охранять его тронъ, которому религія служить фундаментомъ.“

„Нечестиво заблуждаются тѣ, которые не желаютъ переносить, чтобы государь употреблялъ строгость въ

дѣлахъ религіи, потому будто, что послѣдняя должна быть свободна. Иначе необходимо было бы допустить, какъ между подданными, такъ и во всемъ государствѣ идолопоклонство, магометанство, іудейство, всякую ложную религію, богохульство, даже аттеизмъ; а въ такомъ случаѣ самыя тягчайшія преступленія оставались бы безъ наказанными.

Замѣьте, что Боссюэтъ дѣлаетъ самому себѣ возраженія. Ему говорятъ, что религія должна быть свободна, такъ какъ она есть дѣло убѣжденія; онъ принимаетъ это случайное предложеніе, но мы видимъ, какъ онъ на него возражаетъ.

На ряду съ этимъ мѣстомъ изъ сочиненія Боссюэта, которое выражаетъ собою мнѣніе, господствовавшее въ его время, мы приведемъ другое сочиненіе менѣе извѣстнаго автора, почти забытаго исторіею и память о которомъ едва сохранилась у послѣдователей его секты, одной изъ самыхъ малочисленныхъ въ христіанствѣ. Мы говоримъ о ввакерѣ Баркля, прославленномъ въ свое время, который былъ другомъ Вильгельма Пяна. Баркля поднесъ королю Карлу II въ 1675 г. сочиненіе, извѣстное подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Апология истинной христіанской теологіи въ томъ видѣ, какъ она проповѣдывается людьми, называемыми въ насмѣшку трусами (trembleurs).“ Извѣстно, что выраженіе „trembleurs“ есть французскій переводъ слова ввакеръ. Эта апология была переведена на всѣ языки

и читатель, вѣроятно, ее увидитъ когда-нибудь. Она представляетъ довольно большой томъ. Имъ советуемъ читателю записаться въ нее для своей библиотеки и постараться запомнить число 1675, потому что въ этомъ году возникла идея вѣротерпимости.

„Такъ какъ Богъ оставилъ за собою господство и власть надъ совѣстью, будучи только одинъ въ состояннн наставлятъ и руководить ею, то никому не дозволено, какимъ бы въ администраціи значеніемъ и авторитетомъ не пользовался, насиловать совѣсть другихъ людей.“

„Всѣ убійства, ссылки, изгнанія, тюремныя заключенія и прочія несчастія подобнаго рода, которымъ подвергаются люди ради испытанія ихъ совѣсти за различіе мнѣній относительно богослуженія, происходятъ отъ убійцы. Кайнаи противны началамъ справедливости.“

„Чтобы люди, подъ предлогомъ совѣти, не вредили другъ другу въ отношеніи жизни и имущества, и не дѣлали ничего вреднаго и несомѣтнаго съ условіями общественной жизни и торговли, въ видахъ предупрежденія чего служить законъ уголовный, правосудіе должно быть отправляемо для каждаго безъ всякаго лицепрятія.“

Скажемъ же мы теперь, кто изъ нихъ болѣе христіанинъ, квакеръ ли Барклей или же епископъ Боссюэтъ? Почему, однакожь, такой человекъ какъ Боссю-

еть, совѣсть котораго мы не можемъ упрекнуть, сдѣлался апостоломъ гоненій. Это произошло въ слѣдствіе ошибочнаго взгляда. Воссюэть смотритъ на истину, установленную церковью и защищаемую королемъ, какъ на законъ. Онъ не разсматриваетъ вопроса съ точки зрѣнія индивидуальной, не видитъ, что вопросъ этотъ между совѣстью и Богомъ имѣетъ въ виду только законъ внѣшній, требующій безусловнаго исполненія. Не подчиняться ему, по мнѣнію Воссюэта, значило, возставать противъ авторитета церкви и государя, — совершать преступленіе въ оскорбленіи величества какъ божескаго, такъ и человѣческаго. Тогда какъ Воссюэть придерживался начала авторитета, Баркле выходилъ изъ принципа индивидуальной свободы и не понималъ, какъ можетъ существовать нѣчто третье между человѣкомъ и Тѣмъ, Который его создалъ. Для Воссюэта, напротивъ, мѣсто это занимала церковь съ ея непогрѣшимымъ закономъ, который предписываетъ безусловную вѣру. Какое различіе между этими христіанами, которые оба ссылались на Евангеліе? Тутъ явно съ одной стороны истинный взглядъ, а съ другой — ложный.

Вотъ идея, всю важность которой мы понимаемъ; но затрогиваетъ ли она человѣчeskія страсти, имѣетъ ли вліяніе на человѣческіе интересы?

Можно представить себѣ отъ несколькихъ бѣдствій избавила человѣчество идея тѣрпимости. Все XVI ст. наполнено было войнами; солдаты убиваютъ другъ дру-

га ради торжества идей, которые часто ты и другие не вѣрятъ. XVII ст. наполнено кровавыми гонимыми, въ которыхъ нетерпимость надѣваетъ маску религии. Но съ появленіемъ терпимости свобода совершаетъ чудо, вполне согласное съ Евангелиемъ, распространяя повсюду милосердіе.

Другая идея, возникшая въ XVIII ст. и доставившая ему то громадное значеніе въ исторіи, которое она не теряетъ, не смотря на все свои недостатки и даже, смѣемъ сказать, пороки, то была идея гуманности. Гуманность въ смыслѣ любви въ человѣчеству, есть слово новое; и мы не думаемъ, чтобы до этого столѣтія, можно было встрѣтить это выраженіе въ такомъ новомъ смыслѣ. До тѣхъ поръ слово гуманность (*humanité*) было ничто иное какъ синонимъ слова родъ человѣчскій (*genre humain*), такъ что Вольтеру часто приходилось объяснять тотъ особенный смыслъ, который онъ придавалъ этому старинному слову.

И такъ, гуманность есть приобрѣтеніе XVIII ст., и если мы остановимся на одномъ изъ самыхъ прекрасныхъ примѣненій новой идеи, на гуманности въ примѣненіи къ уголовному закону, то можемъ опредѣлить съ достовѣрностью время, день его появленія. Мысль первая въ своихъ Персидскихъ Письмахъ (*Lettres Persanes*) высказавъ мысль, что увѣренность въ неизбежности наказанія несравненно важнѣе его суровости. Злодѣй презираетъ законъ, какъ бы строгъ онъ не

былъ, если имѣть надежду его избѣжать, и, наоборотъ, уважаетъ, не смотря на всю его слабость; если увѣренъ, что онъ во всякомъ случаѣ будетъ наказанъ.

Основываясь на той совершенно справедливой мысли, что жестокость наказаній есть вещь совершенно бесполезная, Беккариа написалъ книгу, которая обезсмертила его имя. Идеи Беккариа были усвоены Вольтеромъ, всѣми лучшими людьми XVIII ст. и гуманность такимъ образомъ проникла; наконецъ, въ законъ уголовный.

Изучая уголовное право XVIII ст., нельзя не удивляться жестокости и варварству всѣхъ этихъ кодексовъ. Мы имѣемъ въ рукахъ „Уголовную реформу“ Маріи Терезіи — государыни, доброту которой особенно преувеличиваютъ; хотя и говорятъ, что она будто бы плакала, принимая часть Польши, однако слезы не помѣшали ей удержать эту часть за собою. Марія Терезія произвела въ 1769 г. реформу въ уголовномъ судопроизводствѣ, ~~следовательно съ тѣхъ поръ не произошло и столѣтій.~~ Изданіе этой реформы представляетъ довольно большой томъ in-folio, заключающій въ себѣ весьма интересное описаніе всѣхъ родовъ пытки, употребляемой въ ея владѣніяхъ. Изъ этой книги видно, что въ 1769 году она составила только шесть родовъ пытки: раздавливаніе пальцевъ рукъ, раздавливаніе пальцевъ ногъ, дѣлствіе, жженіе груди шестью свѣчами, испанскій сапогъ, который раздавливалъ голень, и, на-